

Европейская экспансия на север

В Средние века Европа переживала постепенный подъем. Но этот рост не был равномерным ни во времени, ни в пространстве. В XIII—XIV вв. Средиземноморье и итальянские города стали экономическими и культурными центрами Европы. Именно отсюда берет свое начало экспансия, начавшаяся в XVI в. и завершившаяся спустя несколько столетий мировым европейским господством. Экспансию на север следует рассматривать в свете этих более общих линий развития.

■ Европа расширяет границы

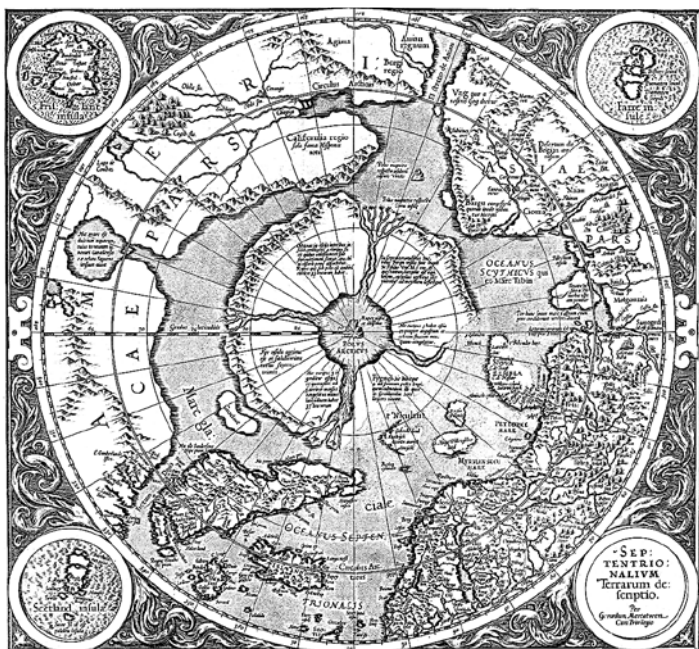
До середины XV в. отличительной чертой европейского прогресса были консолидация и, как ни парадоксально звучит, *внутренняя экспансия*. После крупных эпидемий и кризисов высокого Средневековья численность населения медленно восстанавливалась. Ранее незаселенные или обезлюдившие регионы Европы стали осваивать заново. Государственная власть усиливалась за счет феодалов и церкви. На политической карте появлялись очертания будущих национальных государств. Силы, грозившие Европе извне, казалось, отступили.

За внутренней экспансией последовала и внешняя. Отличительной чертой этого процесса было развитие мореходства. Историк Карло Чиполла подчеркивает, что Европа в тот период технологически значительно превосходила остальной мир, особенно в отношении огнестрельного оружия и кораблей [9]. Были ли у европейцев действительно какие-то особые культурные предпосылки для технического прогресса, как считает Чиполла, — вопрос спорный, но нет никаких сомнений, что мореходство сыграло ведущую роль в европейской экспансии. Цель становилась все яснее — морской путь на восток, способный заменить традиционные сухопутные торговые пути, пролегающие через исламские территории. В 1497 г. Васко да Гама совершил путешествие в Индию. В течение всего нескольких десятилетий португальцы прочно закрепились вдоль древних торговых путей и обосновались в Гоа — на западном побережье Индии (1510 г.) [10].

Слабая Европа

Вопреки тому, что вы, возможно, думаете, Европа не всегда была сильной и успешной. Средневековая Европа занимала далеко не лидирующие позиции в мире, ни в экономическом, ни в культурном плане. К примеру, Китай во времена императорских династий Тан и Сун во многих сферах превосходил тогдашнюю Европу, но европейцы почти не имели контактов с Юго-Восточной Азией. Однако постоянную угрозу политической стабильности на континенте, которая из-за внутренних конфликтов и без того была довольно шаткой, представляли арабы (мавры), турки (Византийская империя) и монгольские племена (татары). Мавры оккупировали значительную территорию Испании, а турки в 1453 г. захватили Константинополь. Эпидемия чумы, опустошившая многие регионы Европы в XIV в., была одним из многих серьезных кризисов той эпохи.

>
 Район Северного полюса на карте Меркатора (1588 г.) представляет собой скорее плод его фантазии, а не отражение научных сведений. Северный полюс он изобразил в виде высокой горы, окруженной широкими проливами. На этом, более позднем издании карты (1606 г.) появился и новооткрытый Шпицберген – t'Nieulant, – но общие очертания меркаторовской карты остались прежними.

Пока Португалия в XVI в. строила свою заморскую торговую империю в Азии, Испания развивала другие направления. Наиболее впечатляющим стало продвижение испанцев на запад, через Атлантический океан. Как и португальцы, они стремились проложить торговый путь в Индию и Китай. Колумб был убежден, что добился этого, когда в 1492 г. высадился на Багамских островах. В Новом Свете возникла самая настоящая империя, непомерно обогатившая испанскую корону. С западного побережья Америки испанцы продвигались через Тихий океан в Азию, где они взяли под свой контроль Филиппины [11]. Когда Испания в 1580 г. аннексировала Португалию и две империи фактически слились воедино, в Европе, казалось, образовалась несокрушимая мировая держава.

■ Новая расстановка сил

Однако у Иберийской империи имелись противники. Англия, Франция и Нидерланды – ведущие морские державы – хотели урвать свой кусок пирога, будь то богатства Нового или Старого Света. Ни у Испании, ни у Португалии не было необходимых ресурсов и сил, чтобы полностью контролировать ситуацию в мире. Разгром Непобедимой армады Филиппа II

британцами (и штормами) в 1588 г. имел не только символическое значение. Менялся баланс сил в Европе. Претенденты на Испанию прочно закрепили свои позиции в Новом Свете, а вскоре обратили свой взор и в сторону Азии.

К концу XVI в. политический и экономический центр тяжести сместился на северо-запад Европы, в сторону молодых и амбициозных морских держав. Международная торговля значительно выросла, вовлекая все новых участников. Численность населения в Европе увеличивалась, росли города. Это, в свою очередь, стимулировало производство и торговлю. В этом длительном процессе, названном не совсем точно «коммерческой революцией», ведущую роль играли такие страны, как Франция, Англия и особенно Нидерланды. Французский историк Фернан Бродель подчеркивает, что любая «мировая экономика» каждый момент времени может иметь только один центр и что этот центр, как правило, представляет собой крупный город [12]. В конце XVI в. Антверпен и Генуя, будучи тесно связаны с ослабевающей испанской экономикой, сдавали свои позиции. Новой путеводной звездой европейской экономики стал Амстердам.

■ Путь на север: цели и мотивы

Цели и мотивы европейской экспансии — предмет многолетних споров среди историков. Мечта о богатствах и роскоши, о золоте и серебре была, очевидно, мощной движущей силой, независимо от того, какие именно причины лежали в основе — растущая денежная экономика Европы или человеческая психология. Концентрация денег у элиты создавала спрос на дорогие экзотические товары. Рост торговли сам по себе имел определенную динамику, направленную вовне, а также желание подчинить себе рынки конкурентов. Для Нидерландов коммерческое соперничество совпало еще и с национальным движением за освобождение от испанского господства. Но экспансия имела и более глубокие корни. В европейском сознании еще жила память о Римской империи. Военные вылазки против неверных — мусульман — имели свои истоки в крестовых походах [13]. Вопрос в том, могут ли эти общие и частные мотивы объяснить движение европейцев на север, в глубь необитаемой Арктики. Что ожидали или что они надеялись найти там, на севере?

Пираты и политика

Еще с середины XVI в. французы и британцы предпринимали мелкие вылазки против испанских галеонов, вывозивших из Америки золото и серебро. То был золотой век пиратов — в буквальном смысле этого слова. Граница между индивидуальным разбоем и внешней политикой была весьма условной: многие из корсаров занимались своей кровавой работой с разрешения короля. В реальности за океаном велась непрерывная война, в которой Испания и Португалия постепенно проигрывали.

▲
Себастьян Кабот – итальянский мореплаватель на службе у британской короны, бездоказательно утверждавший в 1508 г., что он нашел Северо-Западный проход. В 1553 г. Кабот стал главным советником «Московской компании».

Первые шаги были предприняты норвежцами во времена походов викингов и на заре Средневековья. Эта экспансия имела целый ряд причин: рост населения и потребность в новых ресурсах, желание развивать торговлю, стратегические интересы, престиж королевского трона и т. д. Когда кризис высокого Средневековья создал более благоприятные условия для выживших, а власть знати и короля ослабла, рухнули основы древнего «Норвежского королевства». Колонии в Гренландии исчезли; исландцы все более самостоятельно определяли судьбу своей страны; Норвегии хватало проблем как внутри страны, так и с соседями – Данией и Швецией. На следующем этапе европейской экспансии на север – в XV–XVI вв. – Норвегия не играла никакой роли.

Наиболее распространенное объяснение этому заключается в том, что молодые морские державы продвигались на север в попытке найти альтернативные морские пути в Китай и Индию. Как мы уже сказали, в XV в. на юге доминировали Испания и Португалия. Согласно Тордесиильясскому договору 1494 г., эти страны даже получили разрешение Папы Римского на раздел мира между собой [14]. Пока иберийские государства были сильны в экономическом и военном отношении, они могли держать выскочек из Северо-Западной Европы на расстоянии и не допускать их к прибыльной морской торговле. Но, как мы уже упоминали, Испания и Португалия утратили свои позиции к концу XVI в. Британцы, французы и голландцы сумели проникнуть в Америку, а к концу века – и в Ост-Индию. Следовательно, мотивы поиска Северо-Восточного и Северо-Западного морских путей, существовавшие в начале XVI в., после этих событий изменились. И все же движение на север продолжилось. Почему?

Несмотря на то что испанско-португальская монополия на морские пути в Индию и Китай была подорвана, а позже и вовсе исчезла, поиски новых путей на Восток по-прежнему имели смысл. Прежде всего потому, что плавание вокруг мыса Доброй Надежды и, не в последнюю очередь, мыса Горн было долгим, сложным и опасным. Путешествие до Индии и обратно могло занимать год или более. Нередко половина команды погибала в пути. Если бы удалось найти более короткий путь на севере, это значительно сэкономило бы средства и обеспечило бы преимущество на рынке. Как уже говорилось ранее, географические сведения об Арктике были крайне скудными.

Часто европейцы недооценивали расстояние между континентами. Так как выдающиеся географы предполагали существование морских путей через Северный полюс, соблазн попытаться их найти был велик. А раз движущей силой выступал поиск Северо-Восточного и Северо-Западного морских путей, интерес к Арктике можно объяснить во многом теми же мотивами и предпосылками, что лежали в основе продвижения в Америку и Азию. Таким образом, Арктика была для европейцев не самоцелью, а скорее средством, этапом на пути к Востоку. Но исчерпывающее ли это объяснение?

Неизведанное может таить опасность, но, разумеется, и множество возможностей. Подобно многочисленным неистребимым мифам о сокровищах Африки, Азии и Америки, существовали, несомненно, и представления о золоте в недрах Арктики. Немаловажную роль играло и желание путем завоеваний новых земель увеличить престиж королевского дома, а также любопытство и жажда открытий [15]. Нельзя забывать и о миссионерстве как движущей силе европейской экспансии в других регионах. Вместе со стремлением найти морской путь на Восток все эти мотивы складываются в достаточно правдоподобное объяснение того, почему европейские короли и торговые гильдии раз за разом отправляли экспедиции на север. Кроме того, за географическими открытиями следовала и регулярная экономическая деятельность в северных регионах: торговля, рыболовство и промысел. По мере развития этих отраслей на Север стекались представители из более широких слоев европейского купечества. Таким образом, Арктика и ее ресурсы стали целью сами по себе, хотя мечта о Северо-Восточном и Северо-Западном морских путях все так же владела умами.

■ Пионеры Севера до Баренца

С конца XV в. Англия начала высылать регулярные разведывательные экспедиции. Спустя всего лишь пять лет после первого путешествия Колумба в 1492 г. итальянец на английской службе Джон Кабот (Джованни Кабото) достиг, судя по всему, восточного побережья Северной Америки вблизи Ньюфаундленда [16; 17]. Помимо сделанных им географических открытий, его наблюдения о рыбных богатствах региона положили начало масштабной ловле

Кратчайший путь – через Северный полюс

Когда в начале XVI в. планировались первые английские экспедиции на Север, вдохновением для них служили успешные трансатлантические завоевания Испании и Португалии, походы Кабота и тогдашние географические представления. Английский купец Роберт Торн, живший в процветающей испанской Севилье, в 1531 г. в письме королю Генриху VIII призывал снарядить экспедицию, потому что, по его словам:

«(...) остался только один путь для новых открытий, и это путь на Север: потому что из четырех сторон мира три уже, кажется, открыты другими монархами. Ибо испанцы открыли все от Индии до морей Окцидента, а португальцы – все от Индии и до морей Ориента».

Путь через Северный полюс, по мнению Торна, должен был быть значительно короче. Он также пребывал в уверенности, что *«там нет недостатка ни в жителях, ни в судоходных морях».*

(Wallis, 1984: 453)

Британцы и Северо-Западный проход

В XVI в. британцы также искали Северо-Западный проход. Путешествия Кабота и братьев Кортес-Реал, предпринятые в начале столетия, позволили хорошо изучить североамериканское побережье, пусть и не настолько хорошо, как утверждал Кабот. В 1576–1578 гг. Мартин Фробишер совершил три примечательных плавания в район Баффиновой Земли и Гудзонова залива. Сделанные им открытия положили начало «Катайской (китайской) компании», основанной в 1577 г. Среди пайщиков компании была в том числе королева Елизавета I. Так что в цели плаваний Фробишера сомневаться не приходится: он искал морской путь в Китай. В 1585–1587 гг. Джон Дейвис исследовал пролив между Гренландией и арктическим побережьем Канады, который теперь носит его имя. Во время последней экспедиции Дейвис, сам того не зная, достиг восточной точки Северо-Западного прохода — пролива Ланкастер.

(Wallis, 1984)

трески в тамошних прибрежных водах. Почти одновременно с этим баски занялись китобойным промыслом у побережья Лабрадора, о чем мы еще поговорим в следующей главе. Португальцы также демонстрировали определенный интерес к северо-западному направлению, хотя основными для них по-прежнему были куда более южные области земного шара. Братья Гашпар и Мигель Кортес-Реал приняли в 1500–1502 гг. несколько путешествий в район между Гренландией и Ньюфаундлендом. Сын Джона Кабота Себастьян, вероятно, также заходил в эти воды в 1504 г. Позднее он утверждал, но бездоказательно, что во время экспедиции 1508–1509 гг. открыл Северо-Западный проход [18]. Таким образом, в начале XVI в. в Западной Европе уже имелся определенный опыт плаваний в северных водах.

Идея о морском пути через Северный полюс не утратила заманчивости и в следующем столетии, прежде всего среди отдельных географов и ученых-теоретиков. Практики, напротив, следовали другой стратегии: найти Северо-Западный и Северо-Восточный пути, продвигаясь вдоль известных берегов настолько далеко, насколько это было возможно. В 1553 г. несколько английских купцов создали компанию с целью найти новые заморские рынки, не в последнюю очередь — для сбыта британской шерсти. На тот момент эту сферу контролировала Ганза, которая препятствовала прямой торговле между Англией и Северной Европой. Попытка обойти Ганзу представлялась для английских торговцев шерстью весьма заманчивой. Китай и «Тартария», т. е. государство русских князей, таили большие возможности. Советником купцов стал тот же Себастьян Кабот. Безусловно, именно он явился инициатором снаряжения первой экспедиции в поисках Северо-Восточного торгового пути [19]. В 1553 г. в поход вышли три корабля. Командование возложили на Хью Уиллоби, а лоцманом стал Ричард Ченслер. Пройдя далеко на север вдоль норвежского побережья, экспедиция разделилась надвое. Уиллоби с двумя кораблями отправился к Новой Земле, но вынужден был остановиться на зимовку в Лапландии, где вся команда погибла*. Ченслер зашел в Белое море и оттуда сухопутным путем отправился в Москву, где провел переговоры с царем о будущей торговле. В 1555 г. эта компания приобрела новый статус, получив королевские привилегии. Вскоре она получила название «Московская компания».

* В устье реки Варзина (Ловозерский район Мурманской области, Кольский п-в). В мае 1554 г. поморы обнаружили два целых английских судна, нагруженных товарами. 63 члена команды, в том числе капитан, были мертвы, причем все они, включая собак, находились в естественных позах — за столом, у шкафов. Предполагают отравление угарным газом. — *Прим. ред.*

В тот же год Ченслер снова поехал в Россию налаживать торговые связи, и вскоре это направление стало процветающим. Но и в последующие годы «Московская компания» продолжала искать Северо-Восточный проход, все так же лелея мечту о рынках Китая. Братья Стивен и Уильям Барроу достигли Карского моря во время экспедиции 1556–1557 гг., но были остановлены льдами. Та же участь постигла Артура Пета и Чарльза Джекмана в 1580 г. После этого компания решила сосредоточиться на торговле с Россией, на время оставив поиск новых путей [20].

Вплоть до 1580-х гг. британцы занимали лидирующие позиции в исследовании арктических морских пространств. Они вели практически программный поиск северных морских путей, и во время этих поисков приобрели обширные сведения о географии тех мест и ледовых условиях. Кроме того, побочным продуктом их деятельности стало налаживание прибыльной торговли с Россией через Белое море. В этот период зашевелились и голландцы. Молодая республика имела не только амбиции, но и предпосылки для того, чтобы занять лидирующие позиции на Севере.

Баренц и Новая Земля

Нидерланды XVII в. — это почти невероятная история успеха. То, что этой маленькой стране предстояло стать ведущей торговой и морской державой, обрести независимость от Габсбургской монархии и дать отпор таким крупным государствам, как Франция и Англия, в ряде войн, кажется невыполнимым. Чтобы понять, что являлось мотивом трех больших экспедиций Виллема Баренца в 1594–1596 гг. и что обеспечило ведущую роль Нидерландов на Севере, необходимо рассмотреть исторические предпосылки [21].

Экономический успех Нидерландов не был следствием естественных преимуществ: страна обладала весьма скромной территорией, имела сравнительно небольшое число жителей и ограниченные природные ресурсы. Возможно, именно поэтому голландцы выработали особые свойства и умения. Сельскохозяйственные площади были увеличены за счет мелиорации и постройки дамб. Земледелие велось интенсивно и было направлено прежде всего на экспорт. Зерно, древесину и другие товары массового потребления приходилось импортировать, что, в свою

Маленькая держава

Фландрия и Нидерланды в XVI в. находились под испанским владычеством. В северных голландских провинциях проживало много протестантов, постоянно притесняемых католиками Габсбургами. Притеснения касались, однако, не только религии, но и политики с экономикой. Попытка восстания в 1560-х гг. была жестоко подавлена, и в 1573–1574 гг. Филипп II послал войско для усмирения мятежных провинций. Однако голландцы оказали мощное сопротивление: под предводительством наместника Вильгельма I Оранского они отразили нападение испанской армии. После победы над испанцами возникла республика Соединенных провинций Нидерландов. В 1581 г. палата сословных представителей официально лишила Филиппа II полномочий правителя, но страны де-юре находились в состоянии войны до 1609 г. Только после подписания Мюнстерского мирного договора в 1648 г. и окончания Тридцатилетней войны Испания официально признала республику. Однако на практике Нидерланды обрели независимость еще в 1580-х гг., когда Филипп II потерпел поражение в войнах с Англией и Францией.

△
Современная историко-политическая карта Нидерландов в 1580–1613 гг.

очередь, способствовало росту торгового флота, который вскоре стал обслуживать и другие страны. Вылов сельди в Северном море превратился в важнейший промысел в Нидерландах, а продажа сельди долгое время оставалась важнейшей экспортной отраслью страны. Центром торговли и экономической деятельности был Амстердам, который после ослабления Антверпена стал торговым центром всей Северо-Западной Европы и штаб-квартирой деятельного купеческого сословия. Именно здесь в начале XVII в. сложились и были доведены до совершенства все самые важные капиталистические институты: товарная биржа, банк и крупные торговые компании. Уже с конца XVI в. голландцы контролировали все важные морские торговые пути в Европе и начали распространять свое влияние на другие части мира [22].

■ Нидерланды на Севере

Деятельность Нидерландов на Севере необходимо рассматривать в свете их экономического и политического роста. После ослабления Ганзы в XVI в. главным торговым соперником Нидерландов стала Англия. Уже в 1570-х гг. голландцы конкурировали с британцами за торговлю в Белом море. После того как путь в Россию через Балтику оказался закрыт, Архангельск превратился в важнейший торговый узел. Голландские торговые корабли доплывали и до Исландии.

Неудивительно, что и голландцы хотели отыскать Северо-Восточный проход. У них имелись все предпосылки: стремительный экономический рост Нидерландов; самые передовые в Европе судостроительные технологии и опытные мореплаватели; ведущие географы, постоянно собиравшие новые данные и составлявшие карты. И, наконец, в Нидерландах имелось богатое купечество, которое могло финансировать сложные экспедиции. Первая такая экспедиция была, вероятно, организована в 1584 г., в том же году, когда русский царь формально основал Архангельск. Об этой экспедиции нам известно довольно мало, но мы знаем, что ею руководил Оливье Брюнель и они дошли до Новой Земли [23]. Настоящим прорывом десять лет спустя стали три экспедиции Виллема Баренца.

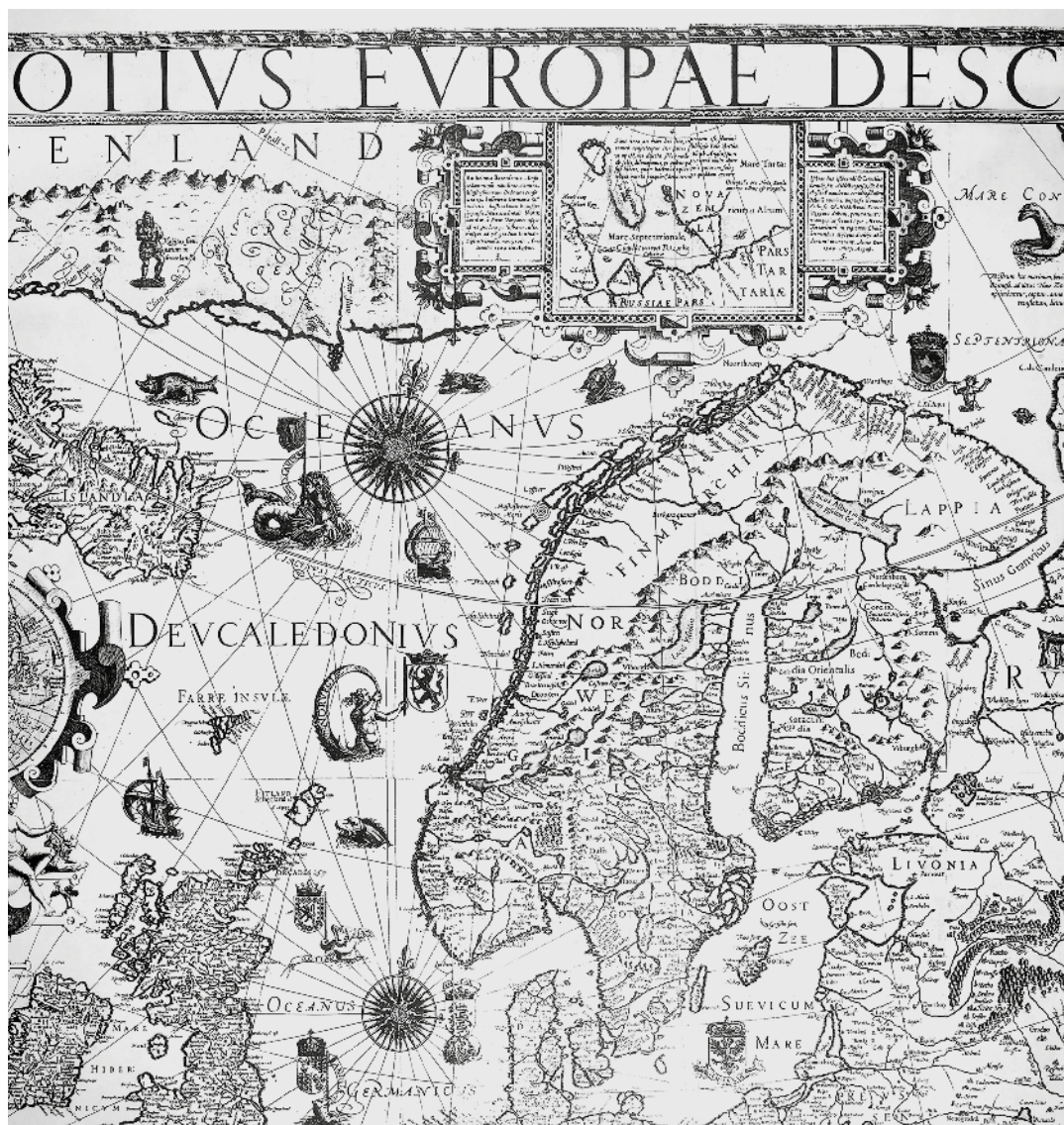
■ Экспедиции Баренца в 1594–1596 гг.

Вдохновителем экспедиции Брюнеля 1584 г. был Бальтазар де Мушерон, богатый купец из Антверпена. Год спустя после разорения города испанцами ему, как и многим другим протестантским купцам и ремесленникам, пришлось перебраться на север, в Соединенные провинции Нидерландов. Мушерон обосновался в Мидделбурге в провинции Зеланд, где сразу приобрел вес и известность. Его торговые корабли первыми стали конкурировать с британскими в Белом море. И именно он организовал следующую экспедицию в 1594 г. по поиску Северо-Восточного прохода. Мушерон имел сильных союзников: в финансировании экспедиций ему помогали власти Голландии и Зеландии, а также ведущие специалисты того времени, такие как писа-

^

Виллем Баренц — как его представлял себе художник.

▲ Карта Гондиуса от 1595 г. показывает, насколько обширными знаниями о географии северных регионов на тот момент обладали голландцы. По понятным причинам Шпицбергена на этой карте еще нет.

тель и штурман Ян Гуйген ван Линсхотен и географ Петер Планциус [24].

В то время не было единого мнения относительно направления поиска морского пути. Ван Линсхотен полагал, что проход надо искать к югу от Новой Земли, около острова Вайгач. Туда он и отправился на двух кораблях. Планциус, напротив, считал, что наиболее разумно искать морской путь к северу от Новой Земли, возможно, из-за той печальной участи, которая постигла предыдущие экспедиции в Карском море. Одним из кораблей, от-

правленных на север, командовал Виллем Баренц. Около 78° северной широты движение шхун остановили льды, и им пришлось повернуть обратно. Тем временем экспедиция ван Линсхотена значительно продвинулась в Карском море и вернулась с большими надеждами на то, что судоходный путь действительно был найден. Они вернулись в Нидерланды в середине сентября. Педантичные голландцы тут же перенесли добытые сведения на карты. На большой карте Европы, составленной Гендриком Гондиусом в 1595 г., уже отражены самые новые сведения.

Экспедиции 1594 г. ясно доказали возможность продвижения на восток вдоль побережья материка, поэтому было решено предпринять следующим летом еще одну попытку в этом направлении. Власти вновь оказали большую поддержку. В экспедицию в Китай снарядили семь кораблей, нагруженных товарами. Виллем Баренц не потерял доверия — его назначили на должность главного лоцмана всей экспедиционной флотилии. Ван Линсхотен также принял участие в экспедиции в качестве представителя властей. Это путешествие нашло подробное отражение в судовых журналах, два из которых позднее опубликовал ван Линсхотен. В них рассказано о том, как корабли пробились через льды в проливе Югорский Шар с южной стороны острова Вайгач, но застряли в Карском море. Одно в ходе этих экспедиций голландцы поняли наверняка: ледовые условия в этих краях год от года сильно меняются [25].

Экспедиция, по понятным причинам, разочаровала всех участников. Власти Голландии и Зеландии приняли решение отказаться от дальнейших попыток найти Северо-Восточный проход. Планциус, напротив, не отчаивался. Он пытался обеспечить финансирование для экспедиции в следующем году. И, как обычно, обрел поддержку у амстердамских купцов.

■ Открытие Шпицбергена в 1596 г.

Мы не знаем, почему так случилось: то ли из-за отсутствия финансирования со стороны властей или же имели место чисто практические соображения, но на этот раз в экспедицию снарядили только два корабля. Капитанами назначили Яна Корнелиса Рийпа и Якоба ван Гемскерка, опытных и высококлассных моряков. Виллем Баренц взял на

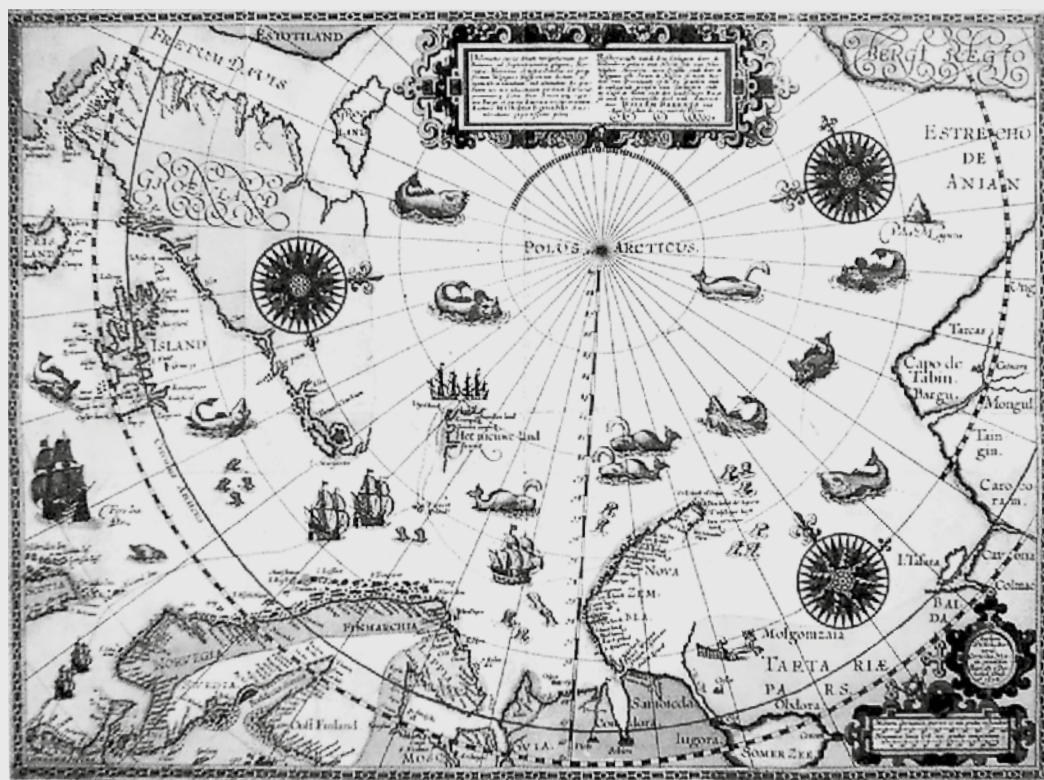
Свидетельства об открытии Шпицбергена в 1596 г.

Существует два основных источника, описывающих экспедицию. Один из них – отчет Геррита де Веера, который был опубликован в 1598 г. под заголовком «Правдивое описание трех плаваний». Второй источник – небольшая книга Гесселя Герритса «История земли под названием Шпицберген», увидевшая свет в

1613 г. Де Веер, вероятно, был штурманом на судне Гемскерка и делал заметки в пути, которые позднее легли в основу красочного описания плавания. Его рассказ нельзя считать полноценным судовым журналом, потому что многие даты опущены. К тому же, скорее всего, де Веер в своем отчете несколько преувеличил значимость собственной роли в экспедиции. Герритс, напротив, вос-

произвел журнал Баренца, судя по всему, в неизменном виде. Поэтому в том, что касается конкретных фактов, большинство историков склонны полагаться на Герритса. Однако отчет де Веера – также важный источник, поскольку плавание в нем описано гораздо полнее. Книга де Веера выдержала несколько переизданий и была переведена на многие языки.

(Arlov, 1988; Ulfby, 1997)

△
«Карта Баренца» была издана Корнелисом Класом в 1598 г. Это первая карта, на которой изображены Шпицберген и остров Медвежий, открытые двумя годами ранее.

себя обязанности штурмана на корабле Гемскерка, а Аренд Мартенц был лоцманом Рийпа [26].

Два источника, сообщившие нам об этом путешествии, немного разнятся в деталях, но не настолько, чтобы это имело существенное значения [27]. Корабли снялись с якоря в Амстердаме 10 мая, а 18 мая уже вышли в Северное море. Путь на север пролегал через Оркнейские острова. Экспедиция намеревалась пройти севернее, чем в предыдущие путешествия. Несомненно, эта идея принадлежала Планциусу и, возможно, была согласована с

Баренцем. Уже 5 июня корабли встретились с дрейфующими льдами, которые заставили путешественников взять чуть восточнее. 10 июня (по данным де Веера, 9 июня) они увидели остров. Баренц определил широту как $74^{\circ}35'$. Нет никаких сомнений, что это был остров Медвежий. В судовом журнале его именуют также *l'Isledes Ours* (фр. остров медведей). Де Веер сообщает, что остров получил такое название после драматичной двухчасовой борьбы экипажа с белым медведем. Этот эпизод не упоминается Баренцем. Также только от де Веера мы узнаем о том, что экипаж высаживался на острове.

Море в этом районе было сплошь покрыто льдом, так что суда несколько дней искали выход к открытой воде на север. 14 июня Баренц записал в своем журнале: «Кажется, мы увидели землю на севере, но до конца не уверены». Возможно, они увидели остров Западный Шпицберген, но с той же вероятностью это мог быть всего лишь обман зрения. В любом случае, они продолжали путь на север, иногда вынужденно меняя курс, чтобы обойти льды. 15 июня они достигли $78^{\circ}15'$ северной широты (на уровне Исфа́рда), но, очевидно, экспедиция находилась слишком далеко на западе, чтобы увидеть землю. На следующий день они достигли кромки льда на 81° с. ш. и пошли вдоль нее на юго-восток. И вот 17 июня 1596 г. Баренц пишет в своем дневнике:

«До полудня было спокойно, но потом, когда мы достигли $80^{\circ}10'$ северной широты, мы обрадовались, так как поднялся небольшой ветер и мы смогли обогнуть льды. Прошли на 6 кабельтовых, весь вечер дул ветер с запада, глубина составляла 90 сажений. Продвинулись еще примерно четверть мили при юго-восточном ветре, прошли 4 кабельтовых на юго-юго-запад. Тогда мы увидели землю и снова взяли на запад-юго-запад. Земля простиралась с западо-северо-запада до востоко-юго-востока не более чем на 8–9 кабельтовых. Берег высокий и полностью покрыт снегом, и с северо-западной оконечности эта земля простирается вплоть до другого мыса».

Так немногословно и точно было описано открытие архипелага Шпицберген. Сложно усмотреть в этом описании какую-то особенную радость, что неудивительно: экспедиция стремилась найти путь на восток, а не покрытую снегом пустынную землю. Однако Баренц и его команда совершили прорыв в истории исследований Арктики.